

Однажды и навсегда

Романы О. Покровской

Ольга Покровская

Вдребезги

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П48

Художественное оформление серии
М. Коняевой

Покровская, Ольга.

П48 Вдребезги / Ольга Покровская. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100432-3

София смелая и волевая женщина, успешно управляющая корпорацией. Никто не догадывается, что глубоко внутри она хрупкое и ранимое существо. Ведь когда-то Соня пережила чудовищную трагедию, лишившись брата-близнеца. Прилетев в Стамбул по делам, она случайно встречает свое отражение в актере Берканте. Он хочет казаться сильным, и потому, случайно открывшись Софии, жестоко отвергает ее. Но поймет ли Беркант, что они – единственное, что есть друг у друга? И если жизнь одного из них разлетится вдребезги, сгинет и другой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100432-3

© Карпович О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все имена и события
в произведении вымышлены,
любые совпадения случайны.

Я стала волком, одержимым запахом крови, я шла по следу изо дня в день — голодная, коварная, беспощадная.

Мне нравилось думать о том, что ты можешь чувствовать. Нравилось предугадывать твои мысли и вместе с тобой ощущать твою панику, твой страх перед сумасшедшим преследователем.

Мне нравилось осознавать, что я смогла нарушить остатки твоего покоя, нравилось знать, что ты потерял сон, потерял дело своей жизни.

Из-за меня...

Я знала тебя, бедную невинную овечку, по опасному лесу, не останавливаясь, не давая передохнуть, исключительно точно зная, что скоро твои силы иссякнут. Ты сломаешься, упадешь, и тогда я, я опрометью метнусь к тебе, но не стану перегрызать тебе яремную вену, нет, это потом... Сначала я загляну тебе в глаза, эти нечеловечески прекрасные глаза цвета вод Босфора. Всегда непостоянного, всегда меняющегося цвета. От темно-синего до аквамаринового.

Я загляну тебе в глаза еще раз, чтобы запомнить их угасающий блеск навсегда. Чтобы напомнить себе, как я любила тебя. Волчья память бесконечно длинная, и последним прикосновением, последним твоим дыханием я умоюсь, словно чистой росой, и избавлюсь от душного морока последних месяцев.

Ольга Покровская

Я вспомню все и на миг перестану ненавидеть тебя, я прощу тебя, зная, что это конец, я прощу тебя, глядя тебе в глаза, и отпущу тебе все грехи, словно священник на исповеди.

Я никогда не переставала любить тебя, враг мой, бедный мой, порочный ягненок, и перед смертью я скажу это вслух, произнесу это громко и наслажусь ясным отзвуком этих слов. Я наконец скажу себе и тебе правду. Да, это была я. Да, ты не ошибся. Да, я была беспощадна. Но я не могла иначе. Ты не оставил мне выбора. Ты убил во мне сострадание, ты вернул меня во мрак моего прошлого. Ты убил, еще раз убил в себе Бориса. Ты убил меня. Не пожалел.

И я уже не смогла, понимаешь, не смогла остановиться. Во мне не осталось жалости.

Не осталось ничего из того, что я испытаю в тот момент когда достигну тебя, прижму твою упрямую голову к земле, загляну в твои глаза и... Я обязательно поцелую тебя, Беркант, я поцелую твои уста на прощание, перед тем, как нам перестать быть. Дотронусь сухими губами до твоей шеи, прежде чем кровь навсегда перестанет гулко пульсировать в ней...

Часть I

1

... Мой светлоокий друг, единственный ангел, в которого я верю... Я все время ищу тебя, пытаюсь разглядеть среди чужих лиц в незнакомом городе твое лицо. Иногда смотрю в зеркало и вглядываюсь, вглядываюсь в собственные черты до рези в глазах... Когда-то мы были с тобой похожи, а теперь уже, кажется, нет... Я ищу тебя везде, где только можно, и не нахожу...

И тогда я начинаю фантазировать, представляю себе, где ты сейчас, какой ты... Мы так давно не виделись с тобой, и все же отчего-то мне кажется, что ты все время где-то рядом. И однажды настанет день, когда я все-таки тебя найду...

* * *

Над весенней Москвой лежала серебристо-розовая зябкая предутренняя дымка. Солнце еще не вышло из-за горизонта, лишь окрасило алым край посветлевшего неба, заиграло на окнах уходящих ввысь небоскребов, задрожало на темно-красных «ласточкиных хвостах» древнего Кремля, задребезжало бликами на золотых церковных маковках. Огромный город, так причудливо соединивший в себе старое и новое, благочестивое и безбожное, европейское и азиатское, не спал никогда, даже

Ольга Покровская

глубокой ночью, но в этот час он словно бы замедлял свой бег, нежась в предрассветной истоме, сладко позевывал и рассеянно наблюдал за происходящим на своих улицах, проспектах и площадях.

Машин в такое время на дорогах было немного, и мощный поблескивавший хромированными боками мотоцикл лихо промчался по полупустой набережной, мимо сохранившихся с позапрошлого века зеленых, желтых, голубых «пряничных» домиков и свернул на тяжелый бетонный мост. Под мостом неспешно катила розовеющие в рассветном свете воды река, изредка лениво плеская в гранитные берега мелкой волной. Внизу, у городской пристани дремал, намаявшись за день катать туристов, изящный белый пароходик. А там, на другом берегу реки, тихо шелестели за бордовой кремлевской стеной набухшие почками ветви деревьев Тайницкого сада.

Мотоцикл, всхрапнув, как разгоряченный конь, остановился у парапета. Легкая, гибкая, затянутая в черное фигура соскочила с него, перемахнула через загородку, отделяющую проезжую часть от пешеходной зоны, и остановилась у каменных перил. Женщина помедлила несколько секунд, обернулась — словно в последний раз хотела взглянуть на уже показавшийся из-за блестящих стеклом и сталью высоток оранжевый край солнца, на золотящиеся маковки старинных соборов, на шелестящие еще голыми ветвями парки и скверы. Затем снова повернулась к воде, стянула с головы мотоциклетный шлем, отбросила его в сторону и вдруг ловко вскочила на парапет. Проезжавший мимо потертый «Фольксваген» замедлил ход, водитель высунулся из окна, загудел, прокричал что-то. Но женщина не обратила на это никакого внимания, даже не дернулась на резкий звук клаксона. С минуту стояла на самом краю, вытянувшись в струну, расправив спину и чуть откинув голову — так, что собранные тонкой резинкой в хвост светло-русые волосы кончиками каса-

лись проглядывавших под черной тканью острых лопаток. Затем в одну секунду вся собралась, сжалась, будто тугая пружина, оттолкнулась от каменного парапета и ухнула вниз.

Водитель «Фольксвагена», выматерившись себе под нос, выскочил из машины и бросился к перилам, на ходу выуживая из кармана мобильник. Досада брала — что же он не сориентировался сразу, какого лешего медлил и хлопал глазами. Такое бы видео можно было снять — баба кончает с собой прямо в центре города, среди бела дня. Да еще как пафосно — мост, «Харлей», все дела. Журналюги с руками бы оторвали, никаких денег не пожалели. А теперь если что и успеешь запечатлеть, так только бултыхающийся под мостом трупак.

Водитель, однако, на всякий случай щелкнул и остывающий у парапета мотоцикл, и валяющийся рядом сброшенный шлем. Затем подскочил к перилам, навалился животом на остывший за ночь гладкий мрамор и посмотрел вниз, готовясь увидеть в воде безжизненно обмякшее женское тело. Но, к своему удивлению, ничего подобного не увидел. Самоубийственная баба определенно была жива, да еще и, похоже, отлично себя чувствовала — быстро приближалась к берегу, рассекая речную воду широкими мужскими гребками. Руки, обтянутые черным, блестящим от влаги материалом, так и мелькали в уже продернутом первыми солнечными лучами утреннем воздухе. Внизу, под мостом, бабу, как оказалось, ждали, видимо, такие же отмороженные. Незадачливый стихийный папарацци видел, как она подплыла к берегу и какой-то бородач в черной кожаной жилетке тут же подскочил, протянул лапищу и помог женщине забраться на ведущие к воде широкие каменные ступени. Она вышла на сушу, повела плечами, мотнула головой, стряхивая с волос воду — брызги, заискрившись разноцветными огоньками, полетели в разные стороны. Черный гидрокостюм — только теперь водитель сообразил, что это было на

Ольга Покровская

ней надето, — облепил ее, демонстрируя все изгибы крепкого мускулистого тела. Над узким воротом показался край какой-то замысловатой татуировки.

Дежурившая под мостом чокнутая компашка обступила прыгунью — кто хлопал по плечу, кто горячо говорил что-то. Женщина же отвечала то одному, то другому, а сама улыбалась — так широко, лихо и заразительно, что водителю на секунду и самому захотелось плюнуть на все и сигануть с моста, раз уж это дает впоследствии такой кайф.

Он встряхнулся, как собака, отгоняя дурацкие мысли, на всякий случай все-таки сделал несколько снимков отвязной бабы и ее приятелей, а затем развернулся и побрел к машине, бормоча себе под нос:

— Вот же долбанутые... Экстремалы, мать твою так!

* * *

— Это было круто! Отличный прыжок, очень техничный, — распинался белообрый парень с «тоннелем» в левом ухе.

София знала его, несколько раз видела на очередных слетах тусовки экстремальщиков. Кажется, это он выделял головокружительные сальто на велосипеде. Правда, как его зовут, София не вспомнила бы даже под угрозой расстрела.

— Спасибо, бро, — поблагодарила она и легонько стукнула парня кулаком в плечо. — Рада, что взбодрила с утра.

— Отсюда, кажется, еще никто не прыгал, — задумчиво протянул бородач Дэн, куратор российского клуба экстремалов, главный организатор всех мероприятий, снизу-вверх оглядывая конструкцию моста. — Ну, теперь-то не зарастет народная тропа...

— Хочешь сказать, я первопроходец? — весело отозвалась София. — Выступаю сегодня в роли Ивана Сусанина — первого туроператора экстремального туризма?

Все засмеялись. Громче всех заливалась Кса — приземистая широкоплечая девица с собранными в толстый хвост разноцветными дредами на голове. От Софии, однако же, не укрылось, как ревниво та поглядывала то на нее, то на бетонные опоры моста. Ее, должно быть, крепко задело, что другая баба, еще и старше на десять лет, ухитрилась ее обойти. Дредастая наверняка уже соображала, что бы такое выкинуть, чтобы переплюнуть Софию и снова стать самой крутой девчонкой в тусовке. Да и черт с ней, пускай старается. Софию в подобных вылазках привлекали вовсе не восхищенные свидетели и проходящая слава. Это скорее были малоприятные, но неизбежные побочные эффекты. Будь такое возможно, она с удовольствием прыгала и гоняла бы одна. Но, к сожалению, подобного рода развлечения всегда были связаны с нудными и трудоемкими организационными вопросами, заниматься которыми у нее не было ни времени, ни желания. Приходилось вписываться в разнообразные, базирующиеся в разных странах клубы любителей экстремальных видов спорта.

Сейчас София, на автомате участвуя в болтовне, лихо перебрасываясь шутками и подколками и белозубо хохоча, на самом деле испытывала самый настоящий адреналиновый приход. Острый чистый кайф расплзался по венам, пропитывая все тело, покалывая кожу тоненькими иголочками, заставляя грудь вздыматься, жадно вдыхая свежий утренний воздух. После таких кульбитов она всегда особо остро чувствовала себя живой, молодой, сильной, способной, если понадобится, снести на своем пути горы и повернуть вспять реки. С нее словно разом смывало все мелкое, суетное, наносное-ненужное. Все исчезало прочь, и София выходила из воды, спрыгивала с мотоцикла, съезжала с особо крутой горнолыжной трассы... не новым человеком, нет. Это не изменяло ее, но как будто бы возвращало ей дистиллированную, концентрированную,

Ольга Покровская

очищенную от всего лишнего собственную сущность. Так было и сейчас.

— Вы позволите? Пара слов для интернет-портала «Без тормозов»... — прострекотал кто-то над ухом.

София обернулась и увидела рядом с собой какого-то верткого пацана с утиным носом и стоящей иглами челкой. Пацан аж подпрыгивал на месте от нетерпения, тербил висевшую на груди массивную камеру и смотрел на Софию так же, как смотрели все в этой компании, — восторженно и весело, явно предвкушая, какое дерзкое интервью сможет взять у такой обаятельной экстремалки.

София даже усмехнулась про себя этакой наивности, смерила пацана взглядом и отчеканила — негромко, но тем самым тоном, от которого вытягивались во фронт топ-менеджеры принадлежавших ей заводов:

— Не позволю, — и, больше не устаивая журналиста взглядом, обернулась к Дэну, брезгливо повела в его сторону плечом. — Дэн, это что? Я, кажется, ясно выразилась...

— Прости, прости, — забасил Дэн, прижимая лапищи к груди, видимо, чтобы более убедительно изобразить раскаяние. — Я сейчас разберусь...

Он ухватил пацана за тощее плечо и поволок куда-то, грохоча:

— Тебя кто сюда пустил, чучело? Сказано было, никаких съемок, никакой прессы...

София, посчитав ситуацию исчерпанной, больше уже в их сторону не смотрела, обернулась к остальным:

— Ладно, ребята! Рада была всех повидать. Но мне пора.

— Что, уже? — зашумели вокруг. — Чего так быстро? Оставайся, вечером сегодня Brent отжигать будет...

— Не могу, — коротко отозвалась София и, пожав кое-кому руки на прощание, зашагала в сторону каменной лестницы, ведущей на мост.

— Да что там у тебя за неотложные дела? — крикнул вслед кто-то. — Вселенную нужно спасать?

— Почти, — не останавливаясь, бросила София и, поравнявшись с ведущей на мост лестницей, зашпешила вверх по ступенькам.

* * *

— Еще что-нибудь желаете? — дежурно улыбаясь, спросила девушка в форме Turkish Airlines.

София помотала головой и уточнила:

— Во сколько мы приземлимся?

— Самолет совершит посадку в аэропорту Порт Ататюрк города Стамбула через двадцать минут, — отработовала стюардесса.

— Отлично, — кивнула София и жестом дала понять, что больше не задерживает бортпроводницу.

За время полета она отлично выспалась. Эйфория, всегда накрывавшая ее после очередной сумасшедшей выходки, почти прошла, осталось только ощущение бодрости во всем теле. Теперь же нужно было привести себя в порядок перед грядущими свершениями.

Дотронувшись пальцами до волос, София убедилась, что они уже высохли. Затем поднялась с кресла и достала с багажной полки портплед. К счастью, в первом классе она сегодня летела одна, и потому ничто не помешало ей спокойно переодеться в строгий деловой костюм, провести расческой по волосам и слегка тронуть косметикой лицо. Быстро оглядев себя в зеркало, она осталась довольна увиденным. На нее смотрела уверенная в себе сильная тридцатипятилетняя женщина: ясные цепкие серые с прозеленью глаза, резкие скулы, твердый абрис рта, волевой подбородок. Из-под ворота белой блузки виднелся край украшавшей шею и плечо татуировки в полинезийском стиле — узор из расходящихся спиралей, зигзагов, овалов

Ольга Покровская

и треугольников, складывающихся в изображение черепахи — символа силы, физической и духовной. Оскаленного волка, расположившегося на левой лопатке Софии, сейчас видно не было. И все же она, как обычно, всем плечом ясно ощущала его присутствие. Ерунда, конечно, всего лишь рисунок чернилами на коже. И все же почему-то наличие подобных «оберегов» на теле Софии нравилось, они будто бы дополняли, оттачивали до совершенства ее образ.

Удовлетворенно осмотрев собственное отражение, София сунула ноги в туфли на высоких каблуках и вернулась в кресло. Самолет словно все это время только и ждал от нее сигнала — тут же пошел на снижение. И, выглянув в иллюминатор, она увидела проплывающий внизу знакомый пейзаж — строения азиатской и европейской частей города и разделяющий их Босфор, испещренный точечками кораблей и грузовых барж, и стремительно уходящие вверх башенки старинной мечети Султан Ахмед, и сверкающие на солнце бесчисленными окнами небоскребы квартала Левент. Самолет, сделав крутой вираж над Стамбулом, развернулся над морем зелени и, достигнув территории аэропорта, выпустил шасси.

Через два часа, входя в огромное высотное здание из стекла и бетона, где располагался головной офис одного из принадлежавших ей заводов, проектирующих и производящих металлоконструкции, София уже ничем не напоминала утреннюю лихую экстремалку, только что вылезшую из городской реки после опасного прыжка с моста. Поразительно, но в образе деловой женщины она выглядела ничуть не менее органично, чем в гидрокостюме верхом на мотоцикле.

Трудовая жизнь в офисе была ключом. Мельтешившие в офисных коридорах сотрудники оглядывались на Софию, подобострастно здоровались и наверняка перемигивались за ее спиной. А скучавший на ресепшен офис-ме-

неджер, увидев Софию, едва заметно побледнел, вскочил на ноги и испуганно затоптался за стойкой.

— Миссис Савинов... Прошу прощения, вы не сообщили о своем приезде. Мы бы организовали встречу... — заговорил он по-английски.

— И как следует подготовились, — усмехнулась София. — Спасибо, Ибрагим, но меня созерцание потемкинских деревень не интересует. Всегда лучше увидеть все, как есть, чтобы здраво представлять себе ситуацию.

— Потемкинских... что? — растерянно переспросил молодой турок, с трудом выговорив незнакомое слово.

— Не важно, — отмахнулась София. — На какое время сегодня назначено совещание руководства завода?

— На... на три часа дня, — проблеял Ибрагим, сменивший за последние несколько минут цвет лица со смуглобледного на тревожно-алый.

— То есть до начала остается пять минут, — подхватила София, бросив быстрый взгляд на обхватывавший запястье Patek Philippe. — Я так полагаю, все участники уже собрались в переговорной? Как, неужели нет? Интересно. Ибрагим, я пройду прямо в конференц-зал и подожду остальных. — Уже направившись к дверям переговорной, София вдруг замедлила движение и, не оборачиваясь, со смешком в голосе добавила: — И не нужно никого оповещать о моем прибытии. Пусть это станет для сотрудников приятным сюрпризом.

Ибрагим, потянувшийся было к телефонной трубке, отдернул руку, словно пластик обжег ему пальцы, и наверняка выматерил про себя проклятую ведьму, не иначе как обладавшую даром видеть затылком. Софии, впрочем, не было никакого дела до душевных метаний секретаря. Больше не останавливаясь, она прошла в зал, где должно было проходить совещание, расположилась в одном из обрамляющих большой полукруглый стол мягких кресел и приготовилась ждать.